

Каким бы ни был его отказ постигать романтические чувства, мирские дела он всё же понимал — в конце концов, Ши Ушэ каждый год бесчисленное количество раз спускался с горы с учениками набираться опыта. Невозможно было не знать, что это платье вовсе не обычная одежда.

Раньше, стоило им провести вместе ночь, как Ши Ушэ с ходу предложил ей стать его даосским спутником, а теперь, сходяв за платьем, он прямо принёс свадебный наряд.

Неужели ему так не терпелось выйти замуж?

Хуа Чжао поджала губы, с улыбкой, рассасывая во рту леденец и притворяясь, будто ничего странного не замечает, даже похвалила: «Цвет у этого платья... хм, яркий, мне нравится».

Еще бы, стоило его встряхнуть, как Хуа Чжао тут же рассмеялась, тогда как выражение лица Ши Ушэ оставалось совершенно обычным, и ни малейшего признака смущения заметить было нельзя.

На груди свадебного наряда красовалась густая, сложная вышивка — там были вышиты расправляющие крылья луань.

Хуа Чжао посмотрела на Ши Ушэ, а тот опустил голову, чтобы разобрать завернутую в промасленную бумагу еду. Хуа Чжао то поднимала платье, то опускала его, а затем развалилась на кровати и принялась капризничать.

— У меня всё тело ломит, руки и ноги слабые, сама я его не надену. — Раньше Ши Ушэ невольно заставил её покраснеть, и она была этим крайне недовольна.

Она ведь всё-таки была «старой демоницей» с четырехвековым стажем, как она могла позволить какому-то птенцу одержать над собой верх?

Хуа Чжао высунула ногу из-под одеяла и уперлась ею в поясницу Ши Ушэ. Хрустя леденцами, она протянула: — Второй старший братец, помоги мне одеться...

Спина Ши Ушэ на мгновение напряглась, а Хуа Чжао с ухмылкой смотрела на него.

Сидя на краю кровати спиной к Хуа Чжао, Ши Ушэ слегка повернул голову и неожиданно первым заговорил: — Хватит баловаться, завтра отправляемся обратно на гору.

Его голос всегда звучал холодно и жестко, но сейчас в нем слышалась едва уловимая беспомощность.

Хуа Чжао не стала есть паровые булочки и вместо этого позавтракала леденцами. Рассасав

несколько штук, она заизвивалась на постели, словно змея, высунула из-под одеяла похожие на нефрит руки и обняла Ши Ушэ за талию со спины.

— Тогда Второй старший братец быстро помоги мне одеться.

— Где... у тебя всё болит? — Ши Ушэ скосил взгляд на Хуа Чжао и протянул руку, намереваясь схватить её за запястье и передать духовную силу для исцеления.

Однако Хуа Чжао убрала руку, завернулась в одеяло и лукаво улыбнулась Ши Ушэ.

Она вредничала именно для того, чтобы Ши Ушэ сам её одел, чтобы посмотреть, как он смутится и растеряется.

В конце концов Ши Ушэ ничего не оставалось, как разложить всю одежду, которую предстояло надеть, а его пальцы слегка дрожали.

Возиться с нижним бельем ему пришлось, вспоминая, как он ходил в лавку готового платья, обернувшись женщиной, и из-за своего высокого роста даже выслушал кучу расспросов от хозяйки лавки насчет размера. Та заявила, что «она» в такой размер не влезет, и нужно взять побольше. Ши Ушэ с покрасневшими ушами и лицом долго о чём-то толковал с хозяйкой лавки, уверяя, что покупает наряд для младшей сестры, и лишь благодаря этому смог совершить покупку.

Но даже после этого заставить себя надеть обнову на Хуа Чжао собственной рукой оказалось для Ши Ушэ, несмотря на недавнюю близость, испытанием, полным неизбежного стыда.

Самым постыдным было не то, что он одевал Хуа Чжао, а его собственные неумолимые инстинкты.

Ши Ушэ впервые в жизни понял, как же тяжело человеку, подчиненному семи страстям и шести вожделениям, сдерживать природные порывы.

В конце концов одевание прошло не слишком гладко. На улице уже стоял полдень, но в комнате двери и окна были плотно закрыты, и Хуа Чжао, словно маленький котенок, тихонько стонала, с головой укутавшись в одеяло.

Ши Ушэ в строгом и аккуратном костюме сидел на краю кровати, крепко прижимая к груди «одеяло», готовый влиться в него всем телом, лишь бы не расставаться ни на мгновение.

Его руки обладали невероятной силой, и в порыве безумия и одержимости он потерял над собой контроль. Если бы Хуа Чжао не была культиваторницей, она бы, пожалуй, задохнулась или переломала себе все кости от таких объятий, в которых он едва не раздавил её.

В конце концов одежду на Хуа Чжао всё же надел Ши Ушэ. Он слегка прищурился от пресыщения и принялся крайне сосредоточенно, одну за другой, застёгивать на ней вещи.

Когда одеяния были полностью надеты, солнце уже клонилось к закату.

На этот раз у Хуа Чжао действительно от слабости в руках и ногах не осталось сил, и она безвольно растеклась по краю кровати. Сосёт леденец и лениво спрашивает:

— Мы же только завтра возвращаемся на гору, зачем мне сегодня вообще одеваться?..

— Скоро стемнеет, — Хуа Чжао посмотрела на Ши Ушэ. — Опять ведь раздеваться придется, только лишняя возня.

Ши Ушэ сидел за столом и пил воду.

Услышав это, он тихо кашлянул в кулак и произнес:

— Младшая соученица Цзи Ша звала тебя в город.

Хуа Чжао посмотрела на Ши Ушэ, а тот, отвернувшись к ней спиной, добавил:

— Еще в полдень.

Хуа Чжао: «...»

— Так почему ты раньше не сказал?

Хуа Чжао приподнялась и направилась к Ши Ушэ. Наряд невесты на ней не выглядел слишком вычурным: помимо изящной вышивки, он не отличался излишней длиной, да и рукава не были чересчур широкими. Очевидно, это было одеяние не для самой свадебной церемонии, а для подношения чая и вина гостям после пира.

Фигура у Хуа Чжао была стройной, с плавными и соблазнительными изгибами, и свадебное платье сидело на ней идеально. Раньше она носила лишь светлые тона — как-никак «небожительница» должна выглядеть величественно, неземной и призрачной, словно сон.

Позже, став Императрицей Юйсяо, она тоже облачалась преимущественно в белоснежные одежды с золотым шитьем, что придавало ей строгий и величественный вид.

Если подумать, за обе свои жизни Хуа Чжао крайне редко надевала столь яркие и насыщенные цвета, хотя ее кроткие и утонченные черты лица на самом деле куда больше подходили для подобных броских красок. Она шла так легко и грациозно, словно каждый её шаг расцветал лотосами — поистине ослепительное зрелище.

Хуа Чжао подошла к Ши Ушэ, остановилась рядом и, склонившись, заглянула ему в лицо:

— Почему не сказал раньше, а? Цзи Ша, эта маленькая заика, до смерти тебя боится. Ей стоило таких усилий просто заговорить с тобой, она, небось, долго собиралась с духом. А ты? Она договорилась со мной еще в полдень, а ты изводил меня своими делами до самой темноты, прежде чем соизволил сообщить.

— Второй старший брат, ну как ты можешь быть таким вредным?

Ши Ушэ, застигнутый врасплох её подколкой, поперхнулся и поспешно отвел взгляд, пытаясь скрыть смущение.

Но Хуа Чжао не собиралась его щадить. Она склонила голову набок, заглядывая ему в глаза, и не отступала до тех пор, пока на его щеках не проступил едва заметный румянец. Только тогда она сжалась и оставила его в покое.

Поправив одежду, она бросила:

— Пойду поболтаю с маленькой заикой.

— Ты бы хоть одеяло поправила, из него весь хлопок выбился...

Хуа Чжао повесила сумку для хранения Ши Ушэ обратно себе на пояс, выудила оттуда сладость, закинула в рот и, насвистывая, направилась к выходу — искать Цзи Ша.

Ши Ушэ проводил её взглядом, сжимая в руке чайную чашку. Лишь когда дверь плотно закрылась, он медленно поставил чашку на стол, и на его губах заиграла едва уловимая улыбка.

Такой улыбки на его лице не видела даже Хуа Чжао. Раньше, если он и улыбался, то лишь уголками губ, без тени радости в глазах — напротив, такой вид казался лишь холоднее и опаснее. Но теперь, оставшись в одиночестве, он улыбался так, что его глаза лучились мягким светом, а в каждом движении чувствовалось непередаваемое очарование.

А Хуа Чжао между тем вышла во двор, где жили ученики, разыскивая Цзи Ша.

Цзи Ша в окружении других учеников стояла посреди двора, обсуждая пару иссохших рук, оставшихся от культиватора-призрака. По плану, они должны были вместе искать зацепки, выследить этого призрака, окружить его и по очереди уничтожить, чтобы набраться опыта. Но Ши Ушэ в одиночку расправился с ним, превратив его в ничто, и принес обратно только эти костлявые руки, чтобы ученики могли взглянуть.

Ученики были недовольны, но, конечно, не смели и слова сказать, поэтому пытались по рассказам местных жителей, страдавших от рук этого призрака, понять, какую именно пагубную технику он практиковал.

Как только появилась Хуа Чжао, все повернулись к ней — и тут же зажмурились, словно их ослепило. Всё дело было в её наряде, который выглядел слишком уж вызывающе.

Гора Цинлин сейчас была собранием различных школ, и ученики носили одежду разных цветов, чтобы было понятно, кто к какому старейшине относится. Даже ученики, практикующие искусство сабли — люди с горячим нравом, — носили одежду в светлых тонах, и лишь адепты Зала Правосудия одевались в темно-синее, что считалось довольно строгим цветом.

Хуа Чжао же в своем ярко-алом одеянии выглядела как бельмо на глазу. К тому же она в

последнее время постоянно пропадала, не участвовала в общих делах и ночевала в комнате второго старшего брата. Ученики знали, что раньше она была близка с Се Фу и они почти стали даосскими спутниками, а тут, стоило моргнуть, как она запуталась в отношениях со вторым старшим братом. Открыто никто ничего не говорил, но шептались за спиной все.

Большинство из них хорошо относились к Се Фу, и некоторые, движимые чувством справедливости, подбивали его по возвращении на гору потребовать от старейшины Хунбо навести порядок. Все они были уверены: Ши Ушэ просто отбил девушку, принудив Хуа Чжао к близости.

Но Цзи Ша, зная кое-что из правды, так не думала. Увидев Хуа Чжао, она тоже сначала поморщилась от яркого наряда, но потом радостно подбежала и потянула её в сторону.

Зло в городе было устранено, и староста прислал немало подарков в знак благодарности. Ничего ценного — в основном домашняя еда, приготовленная местными женщинами. Угощения были разложены во дворе, но никто к ним не притрагивался, все были заняты изучением рук призрака.

Цзи Ша отвела Хуа Чжао к столу с едой, оглянулась, словно воровка, и прошептала:

— У, у, у тебя, п-п-проблемы!

— М? — Хуа Чжао наугад взяла изысканное пирожное, отправила в рот и удивленно посмотрела на Цзи Ша.

Та продолжила:

— Дан Ли, вернулся на, на, гору.

Хуа Чжао вскинула брови. Подумав пару секунд, она вспомнила, что Дан Ли — это тот самый культиватор с кошачьими глазами, но всё равно не поняла, в чем проблема из-за его возвращения.

Цзи Ша наклонилась к самому её уху:

— Он, он, с Се, Се Фу, дружит!

Глядя на то, как суетится Цзи Ша, Хуа Чжао не удержалась от смеха. Цзи Ша, как всегда, когда начинала волноваться, теряла дар речи и от досады со всей силы хлопнула Хуа Чжао по руке — раздался громкий шлепок.

Сразу после этого она смутилась. Конечно, подружки часто подшучивают друг над другом, но, по правде говоря, они с Хуа Чжао были не так уж близки. Да и Хуа Чжао раньше обожала строить из себя важную особу и особенно презирала девушек, ведущих себя легкомысленно и затевающих возню. Цзи Ша с некоторым смущением помассировала Хуа Чжао руку и, искоса

заглянув ей в лицо, убедилась, что та вовсе не собирается строить из себя неприступную бессмертную фею. Обрадовавшись, она тут же шутливо шлепала Хуа Чжао по руке и, притянув к себе, зашептала на ухо:

— Разве, ты, не, спешишь? Он же, вернётся, жаловаться!

Все ученики полагали, что Хуа Чжао связалась с Ши Ушэ исключительно под давлением его деспотичного нрава, но Цзи Ша-то знала правду: это Хуа Чжао сидела на двух стульях и ловко вертела Се Фу и Ши Ушэ, как ей вздумается.

Хотя секта не запрещала адептам испытывать друг к другу чувства и становиться даосскими спутниками, за взаимную вражду и междоусобную резню из-за сердечных дел полагалось суровейшее наказание.

Хуа Чжао на миг замерла с кусочком во рту, а затем притянула к себе Цзи Ша, прося рассказать всё в подробностях.

Хотя Цзи Ша заикалась и долго подбирала слова, Хуа Чжао всё же сумела её понять.

С методами Се Фу она была знакома не понаслышке: сам он никогда не марал руки ничем подлым или низким — всегда находились те, кто добровольно шёл ради него на смерть. В прошлой жизни она сама состояла в рядах этих глупцов, готовых пожертвовать ради него всем.

В тот день Хуа Чжао вспомнила, что в прошлой жизни Дан Ли погиб именно из-за Се Фу. Пусть их истинная связь оставалась тайной, раз Дан Ли был готов отдать за Се Фу жизнь, значит, он был обязан ему великим благодеянием.

Теперь же Се Фу обидели, да к тому же увели у него женщину. Вероятно, ему даже не придётся ничего говорить — стоит ему лишь слегка изобразить жалость, как Дан Ли тут же поспешит в горы с жалобой.

А уж изображать несчастного Се Фу умел лучше всех, он даже плакать мастерски умел.

В бытность Императором Юйсяо, когда баланс сил между различными расами то и дело нарушался, Се Фу вечно метался: то изливал душу одному клану, то пил вино и клялся в верности другому. На словах он разделял чужие горести и страдания, а в особенно трогательные моменты даже проливал горькие слёзы, полностью одурманивая людей.

В своё время Хуа Чжао несколько раз попадалась на эту удочку. Стоило ему взглянуть на человека покрасневшими персиковыми глазами, как у того буквально разрывалось сердце от жалости.

Хуа Чжао искренне верила, что он действительно со всеми откровенен и исполнен сострадания к живым существам, и щедро дарила ему свою заботу и нежность. Однако отданные им впоследствии приказы всегда оказывались беспощадными и жестокими ударами железной руки, в которых не оставалось и следа прежнего милосердия.

Судя по повадкам Се Фу, даже если старейшины станут проводить дознание с погружением в духовную память, они не найдут за Се Фу никакой вины. Дан Ли достаточно будет лишь правдиво доложить наставникам о том, что натворил в те дни Ши Ушэ, и разве сможет Ши Ушэ после возвращения в гору легко отделаться?

Хуа Чжао и впрямь не на шутку встревожилась. Поспешно распрощавшись с Цзи Ша, она

бросилась обратно искать Ши Ушэ. Ши Ушэ всё ещё сидел за столом. Едва войдя в комнату, Хуа Чжао с порога выпалила: — Как ты мог отпустить Дан Ли одного? Если он сболтнет лишнего, по возвращении тебя ждет суровое наказание!

Ши Ушэ посмотрел на встревоженную Хуа Чжао, усадил её рядом с собой за стол, стер с уголка её губ крошечные крошки от сладостей и налил ей чашку теплой, приятной температуры воды.

— Он сказал, что чувствует себя нездоровится, у него зарождается демон сердца, и ему нужно вернуться на гору за помощью к старшим. Как я мог его не отпустить? — Ши Ушэ был искренне рад беспокойству Хуа Чжао, и голос его звучал куда мягче обычного. — Я всё контролирую, не переживай.

Услышав это, Хуа Чжао наконец немного успокоилась. Она изначально собиралась подойти к Се Фу и поговорить с ним: мол, расстаёмся и расстаёмся, зачем устраивать такой цирк? Но Ши Ушэ внушал ей такое железобетонное чувство надёжности, что, видя его полную уверенность, Хуа Чжао, естественно, перестала спешить.

В конце концов, старейшина Зала Правосудия души не чаял в Ши Ушэ, неужели он в самом деле станет его наказывать?

Хуа Чжао расслабилась и провела здесь ещё одну приятную ночь, предаваясь сладостям и плотским утехам.

Этой ночью Ши Ушэ вёл себя поистине как вырвавшийся на свободу свирепый зверь и терзал её с особой страстью, словно после сегодняшнего дня уже не должно было наступить завтра. Уровень культивации Хуа Чжао всё же оставлял желать лучшего, да и тратить духовную силу на исцеление самой себя ей было откровенно лень. На следующий день во время полета на мече она всю дорогу пробыла в объятиях Ши Ушэ, прячась под его плащом.

Полет на мече продвигался очень быстро, а тот город находился не так уж далеко от Секты Меча Цинлин, так что они вернулись в горы меньше чем за полдня.

Однако едва ученики обменяли нефритовые таблички связи и вошли через горные врата, как стоило Хуа Чжао опуститься на землю, как толпа учеников Зала Правосудия в чернильно-синих одеждах слетелась вокруг, словно стая воронов. Они схватили Ши Ушэ, а затем препроводили всех учеников в Зал Правосудия.

У Хуа Чжао немного подкашивались ноги, а выражение лица было изможденным и бледным — главным образом из-за неумеренности в плотских утехам.

Она еще даже не успела толком осмотреть родную секту, с которой рассталась много лет назад, как ее уже втащили в суровый и холодный главный зал Зала Правосудия и заставили опуститься на колени.

Вместо наград за заслуги учеников встретил тройной суд.

Во главе сидел тот самый старейшина, которого Хуа Чжао не видела уже много лет — Старейшина Хунбо с белыми волосами, детским лицом и бодрым, крепким духом!

Обрадовавшись в душе, она уже собиралась подняться: — Учитель...

Но ученики Зала Правосудия надавили ей на плечи и снова заставили опуститься на колени.

Хуа Чжао инстинктивно посмотрела на стоявшего на коленях перед ней Ши Ушэ, а также на Се Фу, находившегося рядом с ним. В этот момент заговорил Старейшина Хунбо, и его уверенный, густой мужской голос прокатился по всему главному залу:

— Ши Ушэ, некоторые обвиняют тебя в том, что из-за миазмов Страсти ты силой отобрал даосского спутника у своего младшего соученика Се Фу, а также из ревности и личной неприязни злоупотребил властью. Ты намеревался наказать душу Се Фу Плетью Наказания, на несколько дней заточить свою младшую соученицу и подвергнуть её унижениям. Все соученики, бывшие с вами в пути, могут это подтвердить. Признаешь ли ты свою вину?

Услышав это, Хуа Чжао мысленно подумала, что дело принимает скверный оборот.

Доказательства её «жестокости обращения» густым узором красовались у неё на шее. Утром она поленилась и не стала восстанавливать тело с помощью культивации, а Ши Ушэ почему-то даже не помог ей. К тому же сейчас на ней был брошен плащ Ши Ушэ, а под ним скрывалось свадебное одеяние, которое он сам купил для неё.

Она подняла взгляд на трех старейшин, восседавших на возвышении с суровыми и торжественными лицами. Помимо её собственного учителя, слева сидела женщина-старейшина — Старейшина Шуйюэ, а справа — старейшина Зала Правосудия, старейшина Люинь.

Хуа Чжао поспешила вступить за Ши Ушэ и попыталась оправдать его, но Старейшина Хунбо, который в её воспоминаниях всегда отличался мягким и доброжелательным нравом, заметив её движение, бросил на неё свирепый взгляд — и тут же наложил на неё заклятие молчания.

Она лишилась возможности говорить!

Хуа Чжао попыталась заговорить дважды, но не издала ни звука. В её сердце шевельнулся испуг, она торопливо перевела взгляд на своего учителя, Старейшину Хунбо, однако тот даже не смотрел на неё.

И пока Хуа Чжао медлила в течение этих пары мгновений, Ши Ушэ, стоявший на коленях совсем недалеко от неё, выпрямил спину и заговорил.

Сначала он бросил косой взгляд на «пострадавшего» Се Фу, стоявшего на коленях рядом с ним, с выражением трудно передаваемого презрения на лице, а затем, не сказав в свое оправдание ни единого слова, полностью признал все обвинения. Он произнес:

— Ученик признает свою вину.

Не успела Хуа Чжао толком прийти в себя от услышанного, как Се Фу, до этого сохранявший абсолютную невозмутимость, в изумлении поднял голову.

Ши Ушэ отвесил земной поклон перед тремя старшими наставниками, затем отвязал с пояса Плеть Наказания, поднес ее обеими руками над головой и произнес:

— Прошу Учителя и двух старейшин покарать меня.

Вернувшиеся вместе с ними ученики тут же зашушукались в глубине зала. Хотя Се Фу еще не обладал столь глубоким уровнем культивации, как в прошлой жизни, он быстро взял себя в руки и не потерял лицо.

Он никак не ожидал, что Ши Ушэ не станет оправдываться — это шло вразрез с его планами. К тому же боковым зрением Се Фу постоянно следил за Хуа Чжао, но та тоже молчала.

Подавив внутреннее удивление и немного подумав, Се Фу первым подполз на коленях вперед, прося о снисхождении для Ши Ушэ. — Докладываю Шицзуню, второй старший сородич хоть и... — Он искусно выдержал паузу, после чего продолжил: — Всё произошло потому, что во время усмирения Цветочного демона Яоби второй старший сородич, защищая учеников, неосторожно заразился миазмами Страсти и потерял рассудок, из-за чего и совершил столь тяжкую ошибку.

Голос Се Фу звучал чисто и безмятежно, онтельно и почтительно обратился к трём высокопоставленным старейшинам, восседающим на возвышении:

— К тому же, второй старший сородич лично забил до смерти плетью культиватора-призрака, вредившего жителям в городке Чэньцян, и его заслуги искупают вину. Просим старейшин смягчить наказание.

На слух это звучало как заступничество, но на деле намертво пригвоздило Ши Ушэ к столбу позора, заодно выставив напоказ то, что он самовольно казнил культиватора-призрака, хотя должен был просто водить учеников на закалку.

Его коварству можно было только позавидовать.

Хотя Хуа Чжао не могла говорить, услышав это, она не смогла сдержать волнения и попыталась подняться.

Стоило ей шевельнуться, как Се Фу, не сводивший с неё глаз, тоже пришёл в движение.

На его лице отразилось искреннее беспокойство, он торопливо обернулся и поддержал Хуа Чжао за локоть:

— Младшая сородич, я знаю, как тебе тяжело на душе, не волнуйся так, старейшины обязательно вынесут справедливое решение!

При этом, якобы пытаясь её поддержать, он «случайно» стянул с плеч Хуа Чжао накидку, в которую она была закутана. На её боковой стороне шеи отчетливо виднелись несмытые следы бурной страсти, что в сочетании с бледным, ослабленным видом Хуа Чжао служило самым неопровержимым доказательством вины!

А ярко-красные свадебные одежды Хуа Чжао лишь ещё сильнее подчеркивали дикий и вероломный замысел Ши Ушэ, силой принудившего соученицу.

Хуа Чжао знала, насколько ядовит Се Фу, но даже не подозревала, что до такой степени — в

прошлой жизни все изощрённые уловки Се Фу были направлены против других, но никак не против неё.

Поэтому методы Се Фу так потрясли Хуа Чжао, что от вспыхнувшего в груди гнева она лишилась способности говорить и ругаться, однако это не помешало ей взмахнуть рукой, намереваясь отвесить Се Фу пощёчину.

Но прежде чем Хуа Чжао успела ударить, стоявший на коленях и кающийся Ши Ушэ, увидев, что Се Фу смеет лапать Хуа Чжао, с леденящим душу выражением лица поднялся и на глазах у всех старейшин и учеников всего зала отвесил Се Фу сокрушительный удар ногой прямо в грудь.

Рука Хуа Чжао так и замерла на полпути, а Се Фу уже отлетел к дверям главного зала, извергнув изо рта кровь.

Хуа Чжао совершенно не ожидала, что Ши Ушэ внезапно применит силу. В тот момент, когда удар пришёлся Се Фу в грудь, она тоже почувствовала тяжесть в сердце, а затем, издав невольный стон, рухнула на пол.

Черт.

Проклятое сопереживание.

Хуа Чжао лежала на полу, тяжело и прерывисто дыша, хотя, в отличие от Се Фу, кровью не харкала.

Ши Ушэ отдернул ногу, с зажатой в руке плетью заложил руки за спину и выпрямился, источая устрашающую ауру. Трое бессмертных владык на возвышении явно не ожидали, что Ши Ушэ посмеет покалечить соученика прямо здесь, в Зале Правосудия, и в тот же миг пришли в ярость.

<http://bllate.org/book/22424/2354335>